

т. Караулову

б. Шинский

Заведующий
Объединением Государствен.
издательств
(ОГИЗ)
М.П. Томский.

10.X.35г.

Копия.

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б).

Дорогие товарищи!

Получив выписку из показаний Г. Зиновьева, я считаю необходимым дать настоящее письменное объяснение.

Никакой связи и ничего общего в период 32 года с группой Слепкова я не имел и тем самым никого из этой группы "своим парнем" - как это показывает Г. Зиновьев, я называть не мог, это вымысел. Сама подобная фраза, сказанная якобы мною, ссылаемому за связь с контр-революционной Рютинско-Слепковской группой Г. Зиновьеву, звучала бы просто глупо и политически ничем не оправдывалась. Ясно для каждого, что посещение ссылаемого Зиновьева и беседа с ним, в моем положении, были тягостны и неприятны, и я принимал его по долгу зав. ОГИЗ"ом, которому было поручено дать Г. Зиновьеву работу. Ясно, что я должен был держаться очень настороженно, дабы не оказаться втянутым в опасный и неприятный для меня, политический разговор, с исключенным и ссылаемым (2-й раз!) Г. Зиновьевым. Странно, что Г. Зиновьев забыл должность и фамилию лица, с которым подписывал договор, а запомнил фразу о "своем парне" - разве это похоже на Г.З., если бы действительно было так и он придавал хоть какую бы то ни было политическую значимость этой фразе?

Верно, что Г.З. был у меня и говорил о работе, но это всем известно, пришел он открыто, после того, как мне позвонил т. Стецкий о том, что им надо дать работу. Перед этой встречей или после этой встречи (не помню) он (Г.З.) прислал мне

- 2 -

записку с перечислением тех работ, которые он мог бы взять на себя (думаю, что записку он прислал после беседы).

Из этой записки видно, что еще до моего прихода в ОГИЗ он имел договора с несколькими издательствами (договор и подлинник записки прилагаю) и речь шла о том, что бы ему попрежнему давали работу.

В результате всего и этого и полученных указаний я сообщил руководителям издательств, что Зиновьеву и Каменеву можно давать работу и оставить в силе существующие договора. Никогда, ни при каких обстоятельствах, я не позволял и не позволяю себе оказывать какие бы то ни было давления или протекцию при заключении договоров авторов с издательствами.

Когда он просил дать ему перевод Гитлера, я позвонил в Соцэк, чтобы они его приняли и поговорили с ним по этому делу. Звонить я мог лишь т. Кретову (завед.) или его заместителю и главреду Жирову (если Кретова не было), т. Кретов хорошо известен в ЦК, а Жиров один из друзей Слепкова и был впоследствии арестован по делу Рютицско-Слепковской группы (хотя возможно, что Жиров в это время уже сидел).

Что я считаю возможным и допустимым, хотя и весьма сомнительным? Возможно, что за отсутствием Кретова, я звонил Жирову (что он приятель Слепкова я это знал, но это наверняка знали и в ЦК), возможно, что на вопрос Г.З. что это за человек, я сообщил его должность и возможно (хотя сомнительно!) мог иронически упомянуть, что это приятель Слепкова.

Но я решительно отмечаю клевету скатившегося в лагерь фашизма Г. Зиновьева будто я оценивал Жирова как "своего парня"

и следовательно имел "своих ребят" в рядах контр-революционной группы Слешкова-Рютина. Я не знаю, с кем он подписывал договор, но я со всей решительностью заявляю, что ни одного человека из бывш. правой оппозиции или какой-либо иной, не только в Соцэкгизе, но и во всех Огизовских организациях, которого бы я рассматривал или оценивал как "своего парня" (ясно в политическом смысле) нет и не было, да и не только в ОГИЗ"е. Вся моя жизнь как общественная, так и личная слишком у всех на виду, чтобы в этом можно сомневаться.

Я не удивляюсь, что человек, скатившийся в лагерь классовых врагов, духовный отец и соучастник убийц Сергея Кирова, многократный обманщик, предатель и трус Григорий Зиновьев пытается всеми мерами и средствами смягчить свою участь, еще раз выкарабкаться, обмануть, что бы еще раз предать партию и советскую власть. Я не удивляюсь, если он попытается заслужить доверие, "открывая" мнимые дела против лояльных и преданных партии работников, чтобы посеять сомнение, настороженность, недоверие, подозрение, но я уверен, что вы, товарищи, не хуже меня знаете цену как морального уровня подобных людей, так и их "заявлениям".

Я неоднократно открыто признавал свои крупнейшие и грубейшие политические ошибки. Я открыто признавал себя виновным в грубом нарушении партийной дисциплины. Ничего этого я замазывать не намерен. Однако, еще раз заявляю, что после моего выступления на пленуме ЦК и ЦКК в начале 32 года, в котором я с полной ясностью признал свои ошибки - ни в каких оппозициях и группировках против партии и ее линии я участия не принимал. Напоминаю, что с ХУ1 съезда и до осени 31 года я хворал и лечился.

Если за все время с XV съезда партии с моей стороны и были сделаны те или другие политические ошибки (в частности дело А. Смирнова), то они отнюдь не вытекали из моего желания продолжить самому или поощрить чью-либо борьбу против партии. Мои ошибки вытекали из неправильного представления того, что моя прошлая роль в правой оппозиции налагала на меня совершенно иные нормы политического и даже всего личного поведения, чем на обычного члена партии. Частично эти ошибки вытекали из ложно понятого самолюбия и иных обострившихся особенностей характера.

Вряд ли следует повторять, что я целиком и полностью, безусловно и безоговорочно разделяю единственно правильную политику ЦК и искренне готов с большевистской преданностью, последовательностью и настойчивостью, на любой работе осуществлять, проводить в жизнь эту линию под руководством ленинского ЦК и вождя партии т. Сталина.

С комприветом

Канд. в чл. ЦК - М. ТОМСКИЙ.

8.X.35г.